

УДК 821.131.1

**РЕЧЕВЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ И ПРОВИДЕНЦИАЛЬНАЯ РОЛЬ
ГЛАВНОГО ГЕРОЯ РОМАНА СИЛЬВАНЫ ДЕ МАРИ
«ПОСЛЕДНИЙ ЭЛЬФ»**

© 2013 г.

*Е.А. Скульская*Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», Нижегородский филиал

eskulskaya@hse.ru

Поступила в редакцию 25.03.2013

Анализируется образ главного героя романа в жанре фэнтези. Особое внимание уделяется речевым характеристикам персонажа, сближающим его с детьми, имеющими определенные нарушения развития. Рассматриваются причины, побудившие автора применить данный прием.

Ключевые слова: детская литература, современная итальянская литература, фэнтези, «особые дети», речевые характеристики.

«Последний эльф» [1] – третий роман итальянской детской писательницы Сильваны де Мари, положивший начало саге о последнем эльфе, последнем драконе и последнем орке [2]. Эта книга, опубликованная в 2004 г., не только вошла в школьную программу в самой Италии, но и приобрела значительную популярность за ее пределами, будучи переведенной уже на 18 языков. Роман получил премию Андерсена в 2004 году, премию Банкареллино (премия за лучшую детскую книгу в Италии) в 2005 и Премию библиотечной ассоциации США за лучшую переводную книгу для детей. На русском языке книга опубликована в 2011 году.

Действие происходит в постапокалиптическом мире, где в результате войн и катастроф люди оторваны от достижений науки и культуры. При этом люди, эльфы, тролли и другие существа враждуют между собой, земля затоплена водой и грязью, постоянно идет дождь. Люди голодают, живут в крайней нищете, подвергаются репрессиям, и в борьбе за выживание уже не помнят, во что они верят, откуда взялись их законы, не умеют читать и даже наполовину забыли свой язык.

В центре повествования маленький эльф по имени Йоршкрукваркльорнерстринк, или Йорш, последний из своего рода, которому удалось сбежать из «места для эльфов», подозрительно напоминающего гетто или концентрационный лагерь. Ребенок-эльф не обладает особой магией и в мире людей оказывается слабее и уязвимее обычного ребенка. Но по сюжету именно он должен спасти этот мир, объединившись с последним драконом. С ним рядом оказываются мужчина (Монсер, которого эльф на-

зывает Охотник) и Женщина (Сайра), которые вначале не чувствуют к нему особой симпатии, но потом принимают его и помогают добраться до места, где находится дракон. Во второй части, когда Охотник и Сайра уже погибли, сам подросток эльф спасает их дочь Роби.

Сюжет довольно привычный для современных детских фэнтези. Сама автор, говоря о выборе жанра и сюжета, ссылается на слова Толкиена: «Фэнтези учит нас вечной истине: что тьма существует и что ее можно победить» [3].

Предметом настоящего исследования является образ главного героя этого романа, в первую очередь его речевые характеристики. Необходимо сразу отметить, что Йорш изображен практически как ребенок с расстройствами аутистического спектра. Эти черты персонажа могут показаться случайными человеку, никогда не сталкивавшемуся с такой проблемой, как аутизм. Но Сильвана де Мари по профессии врач, в прошлом – хирург, в настоящее время работает психотерапевтом. Естественно, ей как специалисту известно, что данные особенности соответствуют клинической картине расстройств аутистического спектра.

В Италии, как и в других европейских странах, и врачи, и родители обеспокоены растущей статистикой по аутизму и близких к нему проблем развития. В начале апреля 2012 г. Центр по контролю заболеваемости и профилактики США (CDC), ведущая организация, занимающаяся данной проблемой, опубликовал шокирующий отчет, согласно которому число новых диагнозов аутизма резко возросло – у одного из 88 детей (и у одного из 54 мальчиков) диагностируется расстройство аутистического

спектра [4]. Так что данная проблема для зарубежной литературы не является неожиданной. Можно вспомнить такие произведения, как фильмы «Человек дождя» и «Снежный пирог», романы Марка Хэддона «Загадочное ночное убийство собаки» [5] и Джоди Линн «Последнее правило» [6] и другие книги и фильмы об аутизме.

Образ эльфов давно связывали с темой аутизма. «Ребенок, которого украли эльфы», «ребенок, поцелованный эльфом» – так называли детей с подобными особенностями еще до того, как врачи дали синдрому научное описание и название [7, с. 6]. А здесь – собственно маленький эльф.

Необходимо отметить, что в сюжете есть и еще один важный момент, определяющий особенности характера Йорша, – он оторван от силы своего рода и вынужден преодолевать эту депривацию, развивая заново в себе самую те силу, которые должен был получить от предков: «...мама ушла в место, откуда не возвращаются. Мне она была мама, бабушке – дочь. И бабушка больше не смогла делать волшебство. Когда очень-очень грустно, волшебство тонет в грусти, как муха в воде». По мнению некоторых авторов, наличие аутичных черт может быть связано с пережитой в раннем детстве травмой депривации [8].

С первого момента знакомства с Йоршем читатель погружается в его крайне дискомфортный сенсорный мир. Маленькому эльфу доставляет настоящее мучение не только голод и дождь, но и ощущение от фактуры и даже цвета одежды. Это довольно типично для таких детей, и не всем «особым» взрослым удается преодолеть эти проблемы. Одежда Йорша, когда он вырос, тоже описывается с точки зрения фактуры, тактильных ощущений и запахов.

Он крайне неумело строит контакт с первым встретившимся человеком, не угадывает интуитивно, мужчина это или женщина, а определяет по формальным признакам.

Эльф не понимает выражения эмоций других людей:

«L'umano lo guardo' e fece un un sospiro più lungo degli altri, mentre scuoteva la festa. Forse aveva qualche malattia per cui non respirava bene» (Человек пристально посмотрел на него и глубоко вздохнул, качая головой. Наверное, он был болен и не мог нормально дышать).

«Perchè stai sgocciolando?» chiese il piccolo elfo alla donna.

«Si chiamano 'lacrime'» rispose l'uomo, «è la nostra maniera di piangere» (– Почему ты капашь? – спросил маленький эльф у женщины. – Это называется «слёзы», – ответил ему мужчина, – так мы плачем).

Выросший эльф уже научился определять эмоции по их выражению, но, испытывая их как человек, он не может выражать их присущими человеку способами и жалеет об этом:

«Robi aveva singhiozzato a lungo. Anche lei come sua madre, quando era disperata, scolava liquido dagli occhi...`Yorsh da un lato continuava a trovarlo estremamente balzano, poco igienico e scomodo, dall'altro avrebbe voluto con tutto il cuore poter piangere anche lui». (Роби еще долго всхлипывала. У девочки тоже, как у ее матери, капала вода из глаз, когда она была в отчаянье... Йорш, с одной стороны, все еще находил это чем-то странным, неудобным и не очень гигиеничным, но, с другой стороны, всем своим сердцем желал быть способным плакать вместе с Роби.)

Он не чувствует отношения к себе – воспринимает охотника Монсера, рисковавшего для него жизнью, как «злого», а головорезов-великанов, спутников тролля, как «добрых».

Маленький эльф ригиден в своих представлениях о мире, не может проявить гибкость даже в смертельной опасности – не реагирует на призыв женщины бежать, когда она замечает преследователя, останавливается, чтобы прочесть рунические надписи во время бегства из тюрьмы, на допросе отвечает так, что практически сам губит себя и своих спутников.

Он не чувствует социального контекста ситуации – проще говоря, не знает, когда не следует повторять услышанные раньше слова («Эльфы всегда говорят лишь то, что у них в голове»).

Он не понимает обращенных к нему косвенных вопросов:

«C'è l'hai un nome?»

«Si» rispose il piccolo convinto» (–Имя-то у тебя есть? – Да, – уверенно ответил малыш).

Он не понимает переносных значений слов, когда в речи людей встречаются идиомы и ирония («vuoi finire male», «il gatto ti ha mangiato la lingua», «sono riuscita a seminarlo» и т.д.), и истолковывает их по-своему, воспринимая человеческое мышление как абсолютно чужеродное: «Ну почему только в языке людей было несколько значений для одного и того же слова? А, точно! Их глупость! Как он мог забыть!».

Он склонен абсолютизировать любую реальную неудачу или даже воображаемую печальную ситуацию:

«Люди не любят тех, кто зажигает огонь силой мысли.

— Почему? Так удобнее, чем носить огонь внутри шар, — изумился эльф.

— Потому что так можно сжечь человека или дом. Дом, в котором кто-то есть: может, человек, или два человека, или пятнадцать людей.

Предположение было настолько ужасным, что маленький эльф закрыл глаза и застонал от боли. Он мысленно увидел обгоревшие тела и даже почувствовал запах горелого мяса. Этот запах вывернул его наизнанку».

Что касается именно речевых характеристик, то свойственные речи Йорша нарушение восприятия и употребления личных форм глагола, «аграмматизмы в речи при сложности и богатстве разнообразия синтаксических структур порождаемых предложений являются специфической чертой речи детей с нарушениями аутистического спектра» [9, с. 32]. Речь Йорша демонстрирует и другие специфические логопедические нарушения, в частности, мену слогов и звуков внутри слова: *proticato* вместо *porticato*, *cappanelle* вместо *campanelle*.

И, наконец, Йорш, которому в это время около трех-четырёх лет, за несколько часов самостоятельно разбирается в основах астрономии и создает модель Солнечной системы и познает основные законы физики. Таких детей – «особых» и в плане нарушений аутистического спектра, и в плане выдающейся одаренности в отдельных сферах – называют *“twice exceptional”* «дважды исключительными» [10].

Для чего же автору понадобилось делать главного героя по сути аутичным ребенком? В первую очередь, наделила его этой странной речью, рискуя превратить в комического персонажа?

Часть детей с нарушениями аутистического спектра развивается по собственно аутистическому сценарию. Но среди тех, кому удастся преодолеть эти проблемы, немало незаурядных и очень талантливых людей, причем сфера особой одаренности по сути является продолжением сферы особой слабости. При благоприятном развитии ситуации сильная сторона становится преобладающей, но слабость в какой-то форме остается. Именно так происходит у маленького эльфа – хотя его продолжает мучить то, что мучило его в детстве, практически все то, что вначале казалось его слабостью и в известном смысле ограниченностью, вырастает в его силу.

То, что казалось крайней эмоциональной неустойчивостью, становится потрясающей способностью к сочувствию и самопожертвованию. То, что казалось крайне неситуативным поведением (например, его искреннее и неуместное восхищение троллем и его спутниками), позволяет расположить собеседников к себе и избежать верной смерти. То, что было болезненной заикленностью, например, полное неприятие употребления в пищу мяса даже другими, выросло в убеждение в высокой ценности любой жизни. То, что казалось сосредоточенностью на

пустяках в минуту, когда нужно спастись, оказывается случайно узанными строками древнего пророчества – ключевого в жизни и самого Йорша, и его спутников, и всего народа. Здесь хочется привести слова Хайдеггера: «... кажется, ход событий способствует скорее тому, чтобы человек действовал... И все же, возможно, что человек до сих пор веками слишком много действовал и слишком мало мыслил» [11, с. 135].

Подобное происходит и с его речью, и иногда очевидная нелепость его высказывания обнажает смысл ситуации, как это произошло, например, в диалоге с Судьей Далигара, когда эльф обращается к нему последовательно «imbecille», «imbellenza», «eccescile» («придурок»), «превосудрство» и «пресхватительство»), а потом замечает, что имя «GIUDICEAMMINISTRATOREDIDALIGARECONTRADELIMITORE» («Судья-администратор Далигара и прилегающих земель») – «прекрасное имя, и его можно дать собаке». Толпа при этом разражается хохотом, и люди смеются не над малышом, а над Судьей. Практически это поведение юроридового, а сама реплика напоминает упоминавшееся Бахтиным явление «parodia sacra», то есть «священная пародия» – «одно из своеобразнейших и до сих пор недостаточно понятых явлений средневековой литературы» [12, с. 65].

Владея лексикой мира людей, эльф не представляет себе его коммуникативный этикет. В ситуации с правителем это производит смеховой эффект, опасный для сакрализованной и самозванной власти, но спасительный для окружающих.

Если рассматривать чисто грамматические характеристики речи Йорша, то уже первые его реплики представляют некоторые характерные признаки построения высказывания. Маленький эльф практически не употребляет личных форм глагола, используя некорректные модели:

1. Личное местоимение + инфинитив:

Tu essere un uomo femmina

Io chiedere perdono

Io fare piu' attenzione

Io non desiderare

Tu avere ditto tu non mangiare me, maestà

2. Личное местоимение + не соответствующая ему личная форма глагола:

Io non voleva finire male

3. Инфинитив вместо личной формы:

Non ci stare i gatti

При этом эльф чрезвычайно внимателен к употреблению сложных глагольных форм, отличающих изъявительное наклонение от условного, реальность от предположения:

«*Se non era per i sorci ora stavamo su una forca.*

«*Se non fosse stato per i sorci ora staremmo su una forca.*» (– Если не крысы, то мы все сейчас

болтались на виселице. – Если бы не крысы, мы болтались бы на виселице, – сквозь слёзы поправил её малыш.)

В этом и в ряде следующих эпизодов мы видим, что ребенок, не спрягающий глаголов в настоящем времени, настаивает, чтобы окружающие его взрослые правильно использовали сложные грамматические конструкции – сослагательное наклонение, сложное условное наклонение, «гипотетический период»:

«Era meglio se restavamo a Daligar, ci toccava anche un ultimo pasto...»

Sarebbe stato meglio se fossimo rimasti a Daligar, ci sarebbe anche toccato eccetera» (– Лучше было нам остаться в Даллигаре, хотя бы дали поесть перед виселицей. – Лучше было бы нам остаться в Даллигаре, тогда нам дали бы поесть и так далее.)

и

«E' troppo strano che tu non sei neanche un po' più curioso.»

Non sia – corresse automaticamente il piccolo» (– Странно, что тебе никак не любопытно. – Совсем не любопытно, – по привычке поправил малыш.)

Нужно отметить, что эти формы на самом деле сложны в употреблении, особенно для ребенка. Но Йорш употребляет их правильно сам и поправляет взрослых, когда они ошибаются. Итак, речь маленького эльфа звучит достаточно экзотично. Просто детеныш иного племени в непривычной для него ситуации? Нет, слишком много особенностей в речи, не говоря уже об особенностях поведения.

В романе можно условно разделить два пласта языка – уровень повседневного общения, которое практически посвящено единственной цели – дожить до следующего дня, и уровень мышления, где кроме «вчера, сегодня, завтра» появляется «когда» и «если».

Люди «Последнего эльфа» делают ошибки в сложных глагольных конструкциях, но правильно употребляют простые времена, обозначающие повседневность, то есть говорят правильно, но упрощенно. При этом волшебные персонажи – эльф, тролль, старый дракон – говорят ненормативно. Тролль использует глаголы только в инфинитиве:

«Troll mangiare elfi».

«Tu dire ancora io me bello» (– Тролли кушать эльфы. Ты мне говорить еще: я красивый.)

Дракон употребляет архаичную лексику, латинские или латинизированные формы местоимений (*meo* вместо *mio*), инверсию при построении фраз (*gli ossi dei piedi miei*), но не употребляет сложных конструкций.

Может, потому что человеческий язык не является для них родным и они говорят на нем с

ошибками, как иностранцы? Вряд ли, авторы фэнтези обычно не пользуются этим приемом. Межэтнические и межкультурные контакты в сложных языковых контекстах «Властелина колец» Дж. Р. Толкиена [12] или «Волшебника Земноморья» У. Ле Гуин [14] передаются нормативным английским.

Речь маленького эльфа отличается и от речи людей, и от речи волшебных существ тем, что он чрезвычайно внимателен к употреблению сложных глагольных форм, которые другие персонажи практически не используют. Речь Йорша меняется, когда события заставляют его взрослеть. Его речь резко меняется практически сразу после случая, когда он мог погибнуть сам и должен был спасать от смерти Сайру. Он не просто начинает сам употреблять правильно глагольные формы в простых временах, но и поправляет людей, когда они употребляют их неправильно. Вернемся к приведенному примеру – первому случаю, когда Йорш вносит свое грамматическое замечание:

«Se non era per i sorci ora stavamo su una forca».

«Se non fosse stato per i sorci ora staremmo su una forca».

Обратим внимание на то, что в переводе эта фраза звучит грамматически неправильно, но в оригинале значение предполагаемой ситуации выражено двумя имперфектами – допустимая и широко используемая в современном итальянском языке форма [15, с. 408]. Она не является нормативной, но звучит достаточно часто, так же, как в русском языке признается ошибочной, но употребляется омонимия падежных форм слова «время» в выражениях типа «сколько время?» или «у меня на это время нет».

Почему же Йорш настаивает на употреблении сложного «гипотетического периода», если и так все ясно и даже *как будто* правильно? «Отношение к миру человека в противоположность всем другим живым существам характеризуется как раз свободой от окружающего мира. Эта свобода включает в себя языковое строение мира. Одно связано с другим. Противостоят натиску встречающихся в мире вещей, возвыситься над ними – значит иметь язык и иметь мир» [16, с. 514–515]. Предположение о прошлом или о будущем, когда оно выражено не индикативом, а соответствующими формами конъюнктива и кондиционала, вырывает разговор из контекста повседневного выживания и переносит на более высокий уровень – это может быть тема судьбы, выбора, возможности что-то решать и что-то менять.

Вторая особенность речи Йорша – его внимание к именам. Он дорожит своим длинным именем, хотя его произнесение вызывает у ок-

ружающих ассоциации в лучшем случае с кашлем или чиханием. Он помнит и произносит с почтением имя своего отца, которого он никогда не видел. То, что дракон забывает собственное имя, является для него главным признаком идиотизма дракона, ведь для Йорша имя – это душа, суть явления. Не только этому эльфу или эльфам вообще свойственно это восприятие ценности имени. В рукописи о драконах, которую читает подросток Йорш, есть слова: «Дракон постепенно теряет свои знания... Последним... забывается собственное имя, что есть высшее знание, ибо собственное имя равно собственной душе, особенно для драконов, кои имя свое сами выбирают в расцвете своих сил, если оно не было дано им теми, кто их вырастил» (перевод наш. – Е.С.). Так, одинокий ребенок, последний из истребленной расы, чувствует, что как если бы он был первым человеком, он должен дать имя тому, что не имеет имени – новорожденному дракону, лошади, запутавшейся в своих именах, собаке, которую зовут «собака – и ладно», и этим восстанавливать смысл этого мира.

«Малышу стало очень грустно оттого, что живое существо не имеет имени и называется просто по определению, как дерево или стул... В любом случае он не оставил бы пса безымянным. Он найдёт ему имя в своём воображении. Только нужно очень хорошо подумать – имя просто так не даётся. Имя – это имя. Это большая ответственность».

После этого эпизода Йорш постоянно возвращается к проблеме выбора имени для собаки. Кролик, Каштанка, Курица, Бегущий Наперегонки с Ветром, Тот, Кто Дышит Рядом с Тобой... Но все эти имена не подходят: «курица не лижет тебя в щёку, когда бывает грустно, — значит, это имя псу тоже не подходило». Возникает еще один вариант: «GIUDICEAMMINISTRATOREDIDALIGARECONTRADELIMITORE». Вероятно, это имя понравилось Йоршу по объединению этих слов в одно и некоторому сходству с собственным именем, вовсе не кажущимся ему длинным. Наконец приходит имя, отражающее не внешние признаки и не повадки, а самую суть собаки, с которой Йорш спал, «как две обнявшиеся запятыя»:

«Надежный казалось ему очень хорошим именем. Надежный – тот, кто никогда не оставит в беде, не бросит, защитит, тот, кто всегда рядом. Правда, имя стоит немного укоротить. Надежный, верный... Fidus – всплыло в памяти слово из какого-то древнего языка. Фидо! Наконец-то он нашел для пса правильное имя!».

Мир, в который попадает эльф, стремящийся дать всему имена, по сути десемантизирован. Женщина знает значение своего имени, но как бы отрицает его: «Так в моей деревне называ-

ются цветы, которые растут на стенах домов. Но разве я цветок?». Во второй части, где речь идет о детском приюте, эта десемантизация доходит уже до поистине оруэлловских масштабов – значения слов изменены до неузнаваемости, в том числе и имена, включая самое значимое.

Но для самого эльфа значения его имени (напомним: Йоршкрунскваркльорнерстринк), имени его отца (Горнонбенмайергульд), и его нареченной невесты (Розальба) играют большую роль. С горечью понимая, что он – последний, «нерстринк по-эльфийски обозначает последний», он находит утешение в значениях других частей своего имени – они дадут ему все необходимое, чтобы выполнить его миссию. Имя его отца означает «тот, кто находит дорогу и указывает ее другим» (эти слова перекликаются с посвящением книги: «Моему отцу, который указал мне путь, хотя потерял свой собственный»). Важно, что понимание смысла имени отца приходит тогда, когда эльф находит спрятанные для него меч, топор и лук со стрелами, а также голубой мешочек с тремя золотыми монетами. С этого момента Йорш – не только дитя, лишившееся мамы и бабушки, но уже и мужчина, которому отец оставил наследство, имя и миссию. И его интерес к именам, от поиска имени для собаки до поиска смысла собственного имени, открывает для него, что именно он должен сделать, чтобы исполнить свое предназначение. И его поступок заставляет людей изменить все свои представления об эльфах и даже поверить в самих себя.

А речь Последнего эльфа, на глазах вырастающая из исковерканно-примитивной речи больного ребенка в сложную и высококонформативную, вынуждает других героев возвращаться к своему языку не как к вспомогательному средству при организации процесса выживания, а как к инструменту мышления и создания новых смыслов. Не случайно часть «Последний эльф» заканчивается триумфом не только человеческой любви, но и грамматической (и номотетической!) проповеди Йорша:

«*Se abbiamo una bambina, possiamo chiamarla Rosalba*».

«*Se avessimo una bambina la potremmo chiamare Rosalba*» (– Если быть у нас дочери, можем назвать ее Розальба. – Если у нас будет дочь, мы назовем ее Розальба).

В заключение можно сказать, что тема неприменного наделяния живых существ личными именами или восстановления утраченного имени связана как с необходимой семантизацией неизвестного эльфу мира, так и с необходимостью восстановить эти смыслы в интересах этого мира, где они были забыты или подменены.

Речь эльфа имеет собственные высокие нормы, как грамматические (сложные глагольные нормы), так и лексические (научная и абстрактная лексика). Их гуманистическая ценность в том, что через этого ребенка другой расы люди получают шанс заново овладеть тем, что успели забыть.

При этом при первых контактах с миром людей эльф проявляет свою инаковость, вплоть до болезненных проявлений. Автор сознательно использует поведенческие и речевые особенности детей с ранними проявлениями расстройств аутистического спектра, чтобы подчеркнуть отличие маленького эльфа от людей, его огромный потенциал, таящийся в тех чертах, которые в начале кажутся его слабостями. Тем самым автор подчеркивает, что те, кто отличаются от других, имеют свою ценность и неповторимость.

Список литературы

1. Mari S. De. L'ultimo elfo. Milano: Salani, 2011. 317 p.
2. Mari S. De. L'ultimo orco. Milano: Salani, 2011. 368 p.
3. Интервью Сильваны Де Мари на ее официальном сайте <http://www.silvanademari.com>
4. Сайт «Про аутизм» <http://pro-autizm.ru>
5. Хэддон М. Загадочное ночное убийство собаки. М.: Росмэн, 2003. 304 с.
6. Пиколт Дж. Последнее правило. Белгород: Клуб семейного досуга, 2011. 576 с.
7. Богдашина О. Аутизм: определение и диагностика. Донецк: Лебедь, 1999. 112 с.
8. Беттельхейм Б. Пустая крепость: Детский аутизм и рождение «Я». СПб.: Академический проект, 2004. 784 с.
9. Нуриева Л.Г. Развитие речи у аутичных детей. М.: Теривинф, 2003. 136 с.
10. Dawn Beckley, University of Connecticut. «Gifted and Learning Disabled: Twice Exceptional Students» // Retrieved November 15, 2012.
11. Хайдеггер М. Разговор на проселочной дороге. М.: Высшая школа, 1991. 192 с.
12. Бахтин М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М., 1965. 544 с.
13. Tolkien J.R.R. The Lord of the Rings. Houghton Mifflin Harcourt, 2005. 1178 p.
14. Guin Ursula K. Le. A Wizard of Earthsea. Houghton Mifflin Books for Children; Reissue edition. 2012. 182 p.
15. Katerin Katerinov, Maria Clotilde Boriosi Katerinov. La lingua italiana per stranieri. Perugia: Edizioni Guerra, 2004. 510 p.
16. Гадамер Х.-Г. Истина и метод. М.: Прогресс, 1988. 704 с.

SPEECH CHARACTERISTICS OF THE PROTAGONIST IN «THE LAST ELF» BY SILVANA DE MARI

E.A. Skulskaya

We examine the image of the protagonist in «The Last Elf», fantasy novel by Silvana de Mari. Particular attention is paid to speech characteristics of the character that relate him to children with specific developmental disorders. The reasons for the use of this device by the author are also discussed.

Keywords: children's books, contemporary Italian literature, fantasy, children with disorders, speech characteristics.